

Дорофеева Л. Г., Макарова О. Ф.

МОТИВЫ ДУХОВНОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются примеры внутренней борьбы героев Киево-Печерского патерика со своими страстями. Тексты новелл исследуются в герменевтическом ключе в их соотношении с религиозно-дидактическими целями произведения и с Евангельским контекстом повествования. В новеллах Киево-Печерского патерика отражены христианские представления о грехе, среди которых – сребролюбие, зависть, сладострастие и другие. В изображении духовной борьбы монаха в Патерике делается акцент на свободе его выбора и направленности своей воли к воле Божией. Следуя Евангельским заповедям Христа, монахи достигают главной цели монашеской жизни – победы над страстями и уподобления Христу. Автор приходит к выводу о том, что «невидимая брань» становится доминантой образов героев патериковых новелл, а мотивы духовного подвижничества являются основными в системе топосов Киево-Печерского патерика, организуя композиционную структуру новелл и выполняя агиологическую функцию.

Ключевые слова: древнерусская литература, Киево-Печерский патерик, мотив, топос, герменевтический анализ, монашество, духовный подвиг, библейская цитата.

Для цитирования: Дорофеева Л. Г., Макарова О. Ф. Мотивы духовного подвижничества в Киево-Печерском патерике // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 92-100. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).92-100

Киево-Печерский патерик – это первый на Руси оригинальный сборник рассказов религиозного характера о жизни, чудесах и подвигах святых отцов, созданный по византийским переводным образцам. Такие рассказы мы вслед за Л. А. Ольшевской и М. Е. Башлыковой можем назвать «патериковыми житиями» [Ольшевская, 1999; Башлыкова, 2010]. Они представлены в форме коротких новелл, в центре повествования которых – самые яркие и значимые события из жизни монахов-насельников Киево-Печерской лавры, чьи духовные подвиги и стойкость веры поражают читателя драматизмом и экспрессией своего художественного воплощения.

Рассмотрим некоторые аспекты духовного подвижничества героев Киево-Печерского патерика. В своей работе мы используем мотивный метод исследования, а также опираемся на герменевтический метод, одним из принципов которого является изучение текста в ценностно-смысловом взаимодействии частей и целого, где пересекаются и сосуществуют культурные, исторические, религиозные концепты и коды, «смысловые ключи» [Дорофеева, 2013]. Мы соотносим текст Патерика с его историческим контекстом в его принадлежности к церковно-религиозной культуре: это произведение положило начало освещению истории русской святости изображением подвигов первого русского монашества и созданием образов святых, что связывает его со Священным преданием.

Исследуя житийные мотивы в структуре Киево-Печерского патерика как агиографического произведения, поясним, что в литературоведении нет единой концепции значения термина «мотив» [Непомнящих, 2019]. Одно из первых определений мотива как «простейшей повествовательной единицы, образно ответившей на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения», дал А. Н. Веселовский, разграничивая мотив и сюжет как комплекс мотивов: «Под сюжетом

я разумею тему, в которой снуются разные положения-мотивы» [Веселовский, 1989]. Анализируя поэтику Киево-Печерского патерика, мы следуем теории Т. Р. Руди о том, что в житийных произведениях мотив является содержательной составляющей текста и может быть отнесен к топике произведения, где главными характеристиками литературного топоса являются «устойчивость (в диалектическом единстве с развитием), закрепленность за определенным элементом композиции памятника, <...>, повторяемость и действенность» [Руди, 2005]. Руди отмечает, что система топосов в поэтике жития определяется типом подвига святого и чином святости, к которому относится подвижник, а также ориентацией автора агиографического текста и описываемого им святого на образцы (*imitatio Christi*, *imitatio angeli* и т.п.) [Руди, 2005; Руди, 2006]. В Киево-Печерском патерике мы рассматриваем краткие жития преподобных отцов и мучеников за христианскую веру, в этой связи мотивы духовных подвигов монахов будут особенно значимы в повествовании.

В данной статье мы обращаемся ко второй Кассиановской редакции, опубликованной по списку конца XV – начала XVI века [БЛДР, 1997]; основу ее составляют переписка между Владимирским епископом Симоном и печерским монахом Поликарпом, а также послания Поликарпа к игумену Акиндину, к которым прилагаются рассказы о печерских святых (девять рассказов Симона и одиннадцать Поликарпа). В состав этой редакции также входят Житие Феодосия, «Похвала преподобному отцу нашему Феодосию, игумену Печерскому», «Слово о преподобном Исакии Пещернике», «Вопрос благоверного князя Изяслава о латинянах» и многочисленные летописные включения. Ограниченные рамками статьи, мы не сможем рассмотреть здесь Житие Феодосия и все тексты этой редакции, уделим внимание некоторым новеллам Киево-Печерского патерика.

Г. П. Федотов пишет: «Общее впечатление от Патерика: здесь веет совсем иной дух, нежели в житии Феодосия. Почти непонятной представляется связь Феодосия с этими духовными детьми его. Скажем сразу: здесь все сурово, необычайно, чрезмерно: и аскетизм, и тавматургия, и демонология...» [Федотов, 2000].

Многие новеллы Патерика посвящены борьбе насельников монастыря со своими страстями, преодолению искушений и исполнению главных заповедей Христа, данных Им в Евангелии. Это тяжелая борьба, зачастую не всегда удачная, с внутренними врагами, – «невидимая брань» каждого из героев с самим собой. Как пишет прп. Никодим Святогорец, «это та наша брань, какую каждый христианин воспримлет с того часа, как окрестится и даст пред Богом обет – воевать за Него во славу божественного имени Его даже до смерти» [Прп. Никодим Святогорец, 2013]. «Поприще брани, бранное поле, где происходит самая борьба, – объясняет Никодим Святогорец, – есть собственное наше сердце и весь внутренний человек; время брани – вся наша жизнь. <...> Враги же – «бестелесные и неявиные, кои суть различные страсти и похотения плоти и демоны злые и человеконенавистные...» [Прп. Никодим Святогорец, 2013].

Примеры такой внутренней битвы с самим собой, когда иноки сталкиваются с искушениями и преодолевают их, находим в истории об Иоанне и Сергии, которые «увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе Богородицы, и в духовное братство вступили» (с. 310) (Прим. 1). Когда Иоанн разболелся, то завещал часть своего

имущества другу, «яко брату върну», чтобы он передал его впоследствии ребенку своему Захарию, отданному на воспитание Сергию. Сергей же, подстрекаемый дьяволом и собственной страстью, трижды отказался вернуть чужое золото и серебро. Спасти черноризца от греха сребролюбия помогла икона Богородицы: глядя на икону, Сергей не смог дать ложную клятву, что у него нет спрятанного имущества, преодолел искушение и покаялся прямо перед иконой, – за что и был вознагражден удвоением богатства: «Та бо усугуби Господь, отдатель милостивымь» [БЛДР, 1997, т. 4, с. 312] (Прим. 1). Вспомним, что Иоанн Лествичник упоминал грех сребролюбия как одну из страстей: «Сребролюбец есть хулителъ Евангелія и добровольный отступник» [Преп. Иоанн Лествичник, 2013]. О том, что между текстами Киево-Печерского патерика и «Лествицей Духовной» Иоанна существует соответствие, и авторы-монахи были знакомы с этим произведением, уже писали исследователи [Дорофеева, Рябец, 2022]. Отметим, что речь в этом рассказе идет именно об опасности *погибели души*: «Сий же, уязвень бывъ отъ дьявола, и мнѣвъ приобрѣсти богатество, и хоте животъ съ душею погубити» (с. 312). Страсти здесь, как и везде в Патерике, часто связаны с образами бесов, бесовской силы и врага-дьявола. Полем битвы, таким образом, оказывается душа послушника.

Как мы помним, христианская картина мира теоцентрична: все находится во власти Бога. Однако в результате грехопадения человек утратил свою божественность, и чтобы возвыситься, вернуться к образу Божию в себе, он должен совершить выбор: отойти от греха и преодолеть искушения – то есть спасти свою душу; либо остаться на пути соблазна, погубив ее. То, как человек воспользуется своей свободой выбора, – «одна из главнейших тем древнерусской литературы» [Ужанков, 2022]. Когда герой повествования, Сергей, принимает божественную сторону, он удостоивается помощи Господа и Богородицы.

Борьбу с грехом сребролюбия и победу над ним с Божией помощью мы видим также в рассказе об Арефе-черноризце, у которого воры украли серебро. Страсть к материальному богатству героя этой истории невероятно сильна. Господь помогает Арефе противостоять ей, послав к нему ангелов, которые спорят с бесами за душу Арефы. Когда монах осознает, что нельзя держаться за богатство, а лучше с благодарением Господу отдать все нуждающимся, то обретает радость победы над самим собой: «И ту абие бѣси изъчезоша, и аггели възрадовашася, и вписаше въ милостыню погыбшее сребро» (с. 388). Новелла имеет назидательный характер, объясняя читателю необходимость понимания греховности материальных привязанностей для души. Повествование отсылает нас к Библии, включая героя в контекст Священного предания – Арефа сравнивается с Иовом, на которого Бог насылал невзгоды. Иов благодарил Господа за все, что выпало на его долю, и был вознагражден (Иов 42, 10-17).

Герои Патерика находятся в эпицентре теургии, Священной истории – Бог, Богородица, ангелы с одной стороны, и с другой стороны – «ненавидящий добро дьявол» (с. 389); в центре драматического конфликта повествования – душа монаха, совершающего свой нравственный выбор. Согрешившие, но покаявшиеся иноки заслуживают прощение, ведь они ведут тяжелый бой со своими страстями, они воины Христовы, которые делают свой выбор – принимают божественную сторону добра. В

новелле о Моисее Угрине, замученном в плену знатной женщиной, искушавшей его грехом сладострастия, стойкость духа приравнивается именно к стойкости воина: «Преподобный же, възмогъ от ранъ, прииде ко святѣй Богородици в Печерский святы монастырь, нося на собѣ мученическыя раны и венець исповѣданиа, яко победитель и храборъ Христовъ. Господь же дарова ему силу на страсти» (с. 426).

В истории, произошедшей между двумя братьями монастыря, очень дружившими, но сильно рассорившимися, – Евагрии-диаконе и Тите-попе – мы видим противоположные полюса битвы – ненависть и любовь, гнев и смирение: «Два брата бѣста по духу: Евагрий-дияконъ, Тить же попъ. Имяста же любовь велику и нелицемѣрну межи собою, яко всѣмъ дивитися единоумию их и безмѣрней любви. Ненавидяй добра диаволь, иже всегда рыкаеть, яко левъ, ища кого поглотити, и сътвори им вражду, и такую *ненависть* вложи има, яко и в лице не *хотяху* видѣти другъ друга, и уклоняхуся друг от друга. Многажды братиа моливше ею, еже смирится има съ собою, они же ни слышати хотяше» (с. 388). Сюжет рассказа отсылает нас к Евангелию, где Христос говорит: «Аще убо принесуши даръ твой ко олтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой» (Мф. 5: 23-24). Евагрий же не смирился: он так и не смог простить Тита и умер во грехе. А Тит сумел преодолеть вражду и был избавлен Богом от смертельной болезни: «Болный же скоро въставъ, яко николиже болѣвъ» (с. 390). В простом, на первый взгляд, рассказе о раздоре герои также оказываются в центре дихотомии добра и зла, противостоянии божественного и греховного в человеке. Автор рассказа, Симон, предупреждает Поликарпа, что необходимо опасаться страстной вражды и «беса гнева»: «От неа же и ты, брате, блюдися, да не дай же мѣста гнѣвному бѣсу, емуже бо кто повинется, тому и поработится» (с. 390). Автор приводит соответствующие назидательные примеры из Библии: «Всякъ, гнѣваяся на брата своего без ума, повинень есть суду» (Мф. 5, 22); «Оставьте – оставятся вам» (Ср.: Лк. 6, 37—38; Мф. 7, 1) (с. 390).

Рассматривая Киево-Печерский патерик как произведение религиозного, церковного назначения, необходимо отметить его многоуровневую организацию. Авторы патериковых рассказов – Нестор, Симон, Поликарп – не только описывали духовные подвиги святых отцов, но иллюстрировали их цитатами из Библии. Как отмечает М. Е. Башлыкова, для стилистики текстов древнерусской литературы характерно «наличие кратких и развернутых уподоблений, аллюзий и перифразов, прямых и скрытых цитат в качестве обязательных элементов» [Башлыкова, 2010]. Они «вплетаются в авторскую речь» и, будучи «встроены в повествование», выполняют важную роль: отсылают нас к своему прямому источнику – библейскому тексту, подключая повествование о простом к семантически более сложному плану. Такая особенность агиографической литературы призвана была продемонстрировать связь изображаемого героя с христианскими идеалами и следование спасительному пути [Башлыкова, 2010]. Герои Киево-Печерского патерика действуют в едином сакральном пространстве-времени Священного предания. Они совершают свою личную битву, свой духовный подвиг во имя веры, при этом их персональные жития одновременно включены в «универсальный и панхронический план» Священной истории [Топоров, 1995], отсюда многоплановость древнерусского текста и художественных образов.

Так, в новелле «О многотерпеливом Иоанне Затворнике» также реализуется устойчивый и характерный для Киево-Печерского патерика мотив духовной битвы героя со своей греховной страстью и победы над ней. При этом в повествовании об аскетическом подвиге черноризца возникают многочисленные аллюзии и соответствия, включающие образ святого во вневременной контекст Священного предания. Желания плоти и стремления к наслаждениям мучали Иоанна, персонифицируясь в образе дьявола – страшного змея. Мотив искушающего дьявола прямо отсылает нас и к истории грехопадения Адама, и к искушению Христа в пустыне. Иоанн, борясь со своим соблазном, не уступая змею, взмолился к Господу о спасении своей грешной души, и его словесная молитва к Богу: «Господи Боже, Спасе мой! Въскую мя еси оставил?» (с. 414) – напоминает нам мольбу Иисуса, страдающего на кресте. Преподобный смог побороть свою греховную страсть – «злую муку», на него снизошел Святой Дух.

Мы видим, как монахи ведут тяжелую битву со своими страстями, преодолевая невероятные искушения. Их подвиги разные. Многие из подвижников терпят страшные физические и нравственные мучения, всей своей жизнью стараясь следовать Христу и Его заповедям. В повествовательной структуре новелл Киево-Печерского патерика реализуется принцип «imitatio Christi». Как отмечает А.Н. Ужанков, «Иисус Христос закончил земной путь страданиями – страстями. Одиннадцать из двенадцати апостолов были страсотерпцами, т. е. мучениками за веру (μάρτυς, μάρτύρος)» [Ужанков, 2022]. Мученичество – «это следование путем Христовым, повторение страстей и искупительной жертвы Христа. Христос выступает как первообраз мученичества...» [Живов, 1994]. Библейские корни этого находятся в словах самого Иисуса: «Научитесь от Меня» (Мф.11:29) и «Будьте совершенны как совершенен Отец ваш небесный» (Мф. 5:48), «Я есть путь, истина и жизнь» (Ин.14:6).

Показательны в этой связи новеллы о Евстратии-постнике и черноризце Никоне «Сухом», которые приняли муки за христианскую веру. Евстратий был распят на кресте и, подобно Иисусу, проткнут копьем. В поминовении его стали звать «Протостратор» (с. 368), что по-гречески означает «первоподвижник». Никон, прозванный «Сухим», истек кровью от пыток язычников. Преподобные Григорий Чудотворец, Феодор и Василий, другие герои новелл Киево-Печерского патерика, также мученически гибнут, жертвуя собой ради идеалов христианской веры.

Как мы уже отмечали, в христианской антропологии утверждается несовершенство человеческой природы, ставшей таковой после грехопадения. Христос пришел на землю, чтобы своим примером показать образец нравственной жизни – путь спасения души. Тема спасения души в произведении неотделима от темы духовного подвижничества. А. Н. Ужанков пишет: «Мировоззрение древнерусских писателей (по преимуществу монахов) основывалось на православной вере, согласно которой цель жизни человека – спасение души. Отсюда *основная тема* всей древнерусской словесности – спасение души. Каждое житие святого дает конкретный пример такого спасения. Но кто явил первый образ и указал путь ко спасению? Ответ здесь очевиден: Иисус Христос – в своем учении, отраженном в Его земном подвиге. За Спасителем идут его ученики – апостолы» [Ужанков, 2022].

Тема спасения души выражена в Патерике имплицитно – в сюжетных коллизиях,

в скрытых библейских аллюзиях и соответствиях, и эксплицитно, что можно увидеть на примере переписки епископа Симона и инока Поликарпа. В своем назидательном послании Симон пишет: «Брате! Съд в безмолвии, събери си умъ свой и рци к себѣ: «О, убозей иноче, неси ли мира оставил и по плоти родитель Господа ради?» Аще же и здѣ, пришед на спасение, не духовнаа твориши, и что ради в чернеческое имя облъкъся еси?» (с. 354).

Автор послания сообщает Поликарпу о важности именно *духовной стороны* жизни и необходимости смирения: «Въспряни, брате, и попецися мыслено о своей души! Работай Господеви съ страхом и съ всякою смиреною мудростию!» (с. 354). Симон пишет о чувстве обиды Поликарпа как о недоброй страсти: «А еже въписаль ми еси досаду свою, — люте тебѣ: *погубил еси душу* свою! Въпрошаю же тя, чимъ хоцещи спастися?» (с. 358) Печерский черноризец получает и прямое наставление – нужно исправить в себе прегрешения и так «победить всю силу вражью» (с. 356). Таким образом, внимание автора сосредоточено на необходимости для монаха работы над собой – борьбы со своими страстями.

Т. И. Ковалева отмечает, что в Киево-Печерском патерике выделяется ряд новелл о так называемых «грешных святых» – покаявшихся в грехе и достигших святости монахов [Ковалева, 2016]. По мнению исследовательницы, авторы выстраивают тексты новелл по аналогии с евангельскими притчами, в которых реализация темы «греха – покаяния – спасения», соответствующей «богословской триаде», является приемом дидактического воздействия на читателя и организует весь патериковый ансамбль [Ковалева, 2016]. Мотивы духовного подвижничества преподобных, их внутренней борьбы с искушениями и победы над своими страстями глубоко связаны с этими темами, они выполняют агиологическую функцию в произведении, являясь основными в системе топосов Киево-Печерского патерика.

Ограниченные рамками статьи, мы не можем рассмотреть все примеры духовных подвигов, представленных в Киево-Печерском патерике. Отметим главное: герои патериковых житий, по сути, являются первыми христианами Русской земли. Изображенные в Патерике монахи – самые разные люди: Иоанн и Сергей, Тит и Евагрий, Моисей Угрин, Иоанн Затворник и многие другие, которые приходят в монастырь, трудятся и служат Богу и ближним, преодолев искушения и выиграв свою собственную битву со страстями. Некоторые мученически гибнут за веру (как Евстратий, Никон «Сухой», Григорий Чудотворец, Василий и Феодор), уподобляя свою жизнь Христу. Первые русские подвижники стали добровольными и совершенными Его последователями, следуя Евангельским заповедям, осознанно принимая страдания за веру. Праведным житием и молитвами спасали они не только свою душу, но помогали всем, кто обращался к ним за помощью в трудные времена. Г. В. Федотов писал: «В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути...» [Федотов, 2000]

По словам иеромонаха Иоанна Кологривова, «русская религиозная совесть никогда не удовлетворялась зрелищем личного спасения одной индивидуальной души, она всегда была озабочена общим спасением. Все души связаны между собою и ни одна не приходит к Богу без того, чтобы не увлечь за собою других. Следовательно, спастись надо вместе, а не каждому в отдельности» [Кологривов,

1991]. В связи с этим необходимо отметить непреходящее значение и важность Киево-Печерского патерика как сборника монастырских рассказов и житий святых отцов, связанных с историей подвижничества на Руси. Недаром Киево-Печерский монастырь считался центром духовной жизни в течение многих веков.

Таким образом, основными мотивами духовного подвижничества в Киево-Печерском патерике, связанными с особенностями раннего этапа становления русского монашества, являются битва с собственными страстями, борьба с искушениями и стремление к спасению души. Эти мотивы отражают религиозные представления авторов Патерика о греховности человеческой природы и необходимости преодоления ее: герои патериковых житий приближаются к Евангельскому идеалу, стараясь соблюдать Божественные заповеди, во всем подражая Христу. Безусловно, духовным подвигом является в Патерике смиренное принятие на себя добровольного мученичества ради идеалов христианской веры. Во многих новеллах «невидимая брань» и победа над искушениями как результат собственного духовного выбора и самоограничения являют суть подвига монаха. Таким образом, мотивы духовного подвижничества, составляя систему агиографических топосов, организуют содержательную структуру Киево-Печерского патерика, выполняя смысловую, дидактическую и агиологическую функции.

Примечания

1. Здесь и далее страницы указываются в круглых скобках в тексте рядом с цитатой по этому изданию.

Литература

- Башлыкова М. Е. (2010). Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 года. *Герменевтика древнерусской литературы*, 15, 187-416.
- БЛДР (1997). Библиотека литературы Древней Руси: В 19 т. Т.4. Санкт-Петербург: Наука.
- Веселовский А. Н. (1989). Историческая поэтика. Москва: Высшая школа, 305.
- Дорофеева Л. Г. (2013). *Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI - первая треть VII века)*. Калининград, 15-28.
- Дорофеева Л. Г., Рябец В. А. (2022). Киево-Печерский патерик в контексте «Лествицы» Иоанна Синайского: функция цитаты. *Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: V Всероссийская с международным участием научная конференция, посвященная 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского (23-24 сентября 2022 года)*. Ярославль: «Филигрань», 112-119.
- Живов В. М. (1994). Святость. *Краткий словарь агиографических терминов*. Москва, 58.
- Ковалева Т. И. (2016). Тема покаяния грешника в Киево-Печерском патерике. *Universum Humanitarium*, 2 (1), 132-141.
- Кологривов Иоанн, иеромонах (1991). *Очерки по истории русской святости*. Editrice ISTINA, Siracusa, 11-12.
- Непомнящих Н. А. (2019). Житийные сюжеты и мотивы в новой литературе: к вопросу об изучении и классификации. *Сюжетология и сюжетология*, 1, 123. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-1-123-138
- Ольшевская Л.А. (1999). «Прелесть простоты и вымысла...» *Древнерусские патерики*. Москва, 244-245.
- Прп. Иоанн Лествичник. (2013). *Лествица, возводящая на небо*. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 230.
- Прп. Никодим Святогорец. (2013). *Невидимая брань*. Изд-во Почаевской Лавры, 2-3.
- Руди Т. Р. (2005). Топика русских житий (вопросы типологии). *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика*. Санкт-Петербург, 59-102, 62. *Портал Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН*. [Электронный ресурс].

URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/топика-русских-житий-вопросы-типологии> (дата обращения: 31.10.2023).

- Руди Т. Р. (2006). О композиции и топике житий преподобных. *Труды отдела древнерусской литературы*, Т.57, 431-500. Портал Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/o-композиции-и-топике-житий-преподобных> (дата обращения: 31.10.2023).
- Топоров В. Н. (1995). Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. Москва, 618.
- Ужанков А. Н. (2022). Картина мира древнерусского книжника. *Категории русской средневековой культуры*, 8, 82. DOI: 10.34685/НИ.2022.86.40.004
- Федотов Г. П. (2000). Собр. соч. в 12-ти т. Т.8. Святые Древней Руси. Москва, 44, 5.

References

- Bashlykova M. E. (2010). Topika zhitiy v Kievo-Pecherskom paterike redaktsii 1661 goda. [Topics of hagiographies in the Kievo-Pechersky Paterikon of 1661 edition]. *Germenevtika drevnerusskoy literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*, 15, 187-416.
- BLDR (1997). Biblioteka literatury Drevney Rusi. V. 19 t. Т.4. [Library of the Literature of Ancient Russia. In 19 vols. V. 4.] Saint Petersburg. (Pages from this edition are in round brackets).
- Dorofeeva L. G. (2013). Chelovek smirennyy v agiografii Drevney Rusi (XI - pervaya tret' XVII veka) [The Humble Man in the Hagiography of Ancient Russia (11th – the first third of the 15th century)]. Kaliningrad, 15-28.
- Dorofeeva L. G., Ryabets V. A. (2022). Kievo-Pecherskiy paterik v kontekste «Lestvitsy» Ioanna Sinayskogo: funktsiya tsitaty. [Kievo-Pechersk Paterik in the context of the "Lestvitsa" of John of Sinai: the function of quotation]. *Filologicheskie chteniya. Chelovek. Tekst. Diskurs: V Vserossiyskaya s mezhdunarodnym uchastiem nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 80-letiyu so dnya pamyati Alekseya Alekseevicha Ukhtomskogo, 23–24 sentyabrya 2022 goda [Philological Readings. Man. Text. Discourse: V All-Russian with international participation scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the memory of Aleksei Alekseevich Ukhtomsky, 23-24 September 2022]*. Yaroslavl', 112-119.
- Fedotov G. P. (2000). Sobr. soch. v 12-ti t. Т.8. Svyaty Drevney Rusi [Collected Works in 12 vols. Vol. 8. Saints of Ancient Russia.]. Moscow, 44, 5.
- Kologrivov Ioann, ieromonakh. (1991). Ocherki po istorii russkoy svyatosti [Essays on the history of Russian sainthood]. Siracusa, 11-12.
- Kovaleva T. I. (2016). Tema pokayaniya greshnika v Kievo-Pecherskom paterike [The theme of repentance of a sinner in the Kievo-Pechersky Patericon]/ *Universum Humanitarium*. V.2, no 1, 136,140.
- Nepomnyashchikh N. A. (2019). Zhitiynye syuzhety i motivy v novoy literature: k voprosu ob izuchenii i klassifikatsii [Hagiographic plots and motives in new literature: towards a question of study and classification]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya [Plotology and Plotography]*, 1, 123-138. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-1-123-138
- Ol'shevskaya L. A. (1999). «Prelest' prostoty i vymysla...» *Drevnerusskie pateriki* [«The charm of simplicity and fiction...» *Old Russian Pateriks*]. Moscow, 244-245.
- Prepodobnyy Ioann Lestvichnik. (2013). Lestvitsa, vozvodyashchaya na nebo [The ladder that leads up to heaven]. Moscow, 230.
- Prepodobnyy Nikodim Svyatogorets. (2013) Nevidimaya bran' [The invisible fight]. Pochaevskaya Lavra, 2-3.
- Rudi T.R. (2005). Topika russkikh zhitiy (voprosy tipologii). [Topics of russian hagiographies (questions of typology)]. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika [Russian hagiography. Studies. Publications. Polemika]*, St-Petersburg, 59-102, 62. Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Available at: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/топика-русских-житий-вопросы-типологии> (accessed: 31.10.2023)
- Rudi T. R. (2006). O kompozitsii i topike zhitiy prepodobnykh [About the composition and topics of the hagiographies of the Venerables]. *Trudy otдела drevnerusskoy literatury [Proceedings of the*

Department of Old Russian Literature], T.57, 431-500. *Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Science*. Available at: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/o-композиции-и-топике-житии-преподобных> (accessed: 31.10.2023)

Toporov V. N. (1995). *Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kul'ture*. T.1. *Pervyy vek khristianstva na Rusi* [Sainthood and saints in Russian spiritual culture. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia]. Moscow, 618.

Uzhankov A. N. (2022). *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [The world picture of the Old Russian Scribe. Categories of Russian medieval culture]. Moscow, 8, 82. DOI: 10.34685/HI.2022.86.40.004

Veselovskiy A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, 305.

Zhivov V. M. (1994). *Svyatost'. Kratkiy slovar' agiograficheskikh terminov Holiness*. [A brief dictionary of hagiographical terms]. Moscow, 58.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.10.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторах

Дорофеева Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, профессор; ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Россия, Калининград); ORCID: 0000-0002-3622-8379; lgdorofeeva@mail.ru

Макарова Ольга Феликсовна – аспирант; ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; ORCID: 0009-0003-7117-4374; olga.feliksovna@gmail.com

Dorofeeva L. G., Makarova O. F.

MOTIVES OF SPIRITUAL ASCETICISM IN THE KIEVO-PECHERSKY PATERIKON

Abstract. The article examines examples of the internal struggle of the heroes of the Kiev-Pechersk paterik with their passions. The texts of the short stories are examined in a hermeneutical way in their relation to the religious and didactic goals of the work and with the Evangelical context of the narrative. The short stories of the Kiev-Pechersk Paterik reflect Christian ideas about sin, among which are avarice, envy, voluptuousness and others. In the depiction of the spiritual struggle of a monk in the Paterica, emphasis is placed on the freedom of his choice and the orientation of his will to the will of God. Following the Gospel commandments of Christ, monks achieve the main goal of monastic life – victory over passions and assimilation to Christ. The author comes to the conclusion that the "invisible battle" becomes the dominant image of the heroes of the Paterican novels, and the motives of spiritual asceticism are the main ones in the system of toposes of the Kiev-Pechersk paterik, organizing the compositional structure of the novels and performing an agiological function.

Keywords: Old Russian literature, Kiev-Pechersky Paterikon, motive, topos, hermeneutical analysis, monasticism, spiritual feat, biblical quotation.

For citation: Dorofeeva L. G., Makarova O. F. Motives of spiritual asceticism in the Kiev-Pechersky Paterikon. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 92-100. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).92-100